

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ

№ 13758

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. СРКДА. 2-го (15-го) ЯНВ. 1911 г.

№ 13758

Последняя встреча с А. П. Чеховым в Крыму.

(Из личных воспоминаний).

Невзлетно прошло первое десятилетие со дня кончины А. П. Чехова. Когда бывало, я спускался в Алупку волшебною, как сон, гористою дорогой, и смотрел на далекие, как маяк, знающие огоньки Гурюфа и думал: так ли живёт Чехов?! Вот, там, едем, у скалы в море, за кузов гранаты, видите ли прыжок «шваца суверек», — небольшой клочок земли с дачками, окружёнными нескрачными на вид саклячи, куда так часто убегал безпроблемно стёртанный от звуковой чахотки писатель, убегал из Ялты, томимый там бездальностию, врачами и толпой поклонников, смущённый от одиночества, и токовавший по своей Москве. Вер, что жило его большое сердце, было далеко на север.

В Ялту приезжают умирать от чахотки, это хорошо понимал Чехов, но судорожно цеплялся, как всё чахоточные, за мысль о выздоровлении: такие случаи на юге, в Ялте, тоже были известны. И для Чехова это сознание являлось большим утешением, но надежды не обманывались. Здесь доросла скупо отчитанные судьбою его последние дни, сумерки жизни...

в разговор обычную прикованность, оригинальность суждений, тонкую наблюдательность и юмор, живо всё в интересуюсь. Вдруг они закашлялись; глаза его заблестели как-то особенным, зловещим блеском, и на душе у меня стало тревожно. Этот сухой кашель, острый блеск глаз и неровный румянец опять вызвали грустные мысли.

Когда мы вошли в конягу—его кабинет с широким диваном, горами книг за столами, портретами Льва Толстого, А. С. Суворина, каинюнь, картинами Левитана, которые так любил Чехов, мне повольно пришлось наизмыть стихотворение Ол. Чюминой:

Изгнанныкъ Съвера родного!
Здѣсь приковавъ его вату,
Но промягавъ онъ жамдаль снова
Лихушой и свѣтлым югъ
На шумный врай суровыхъ вьюгъ.
Его рабочей кабинетъ
Съ уютной нишею глубокаго дивана.
Видъ на море в груди зная портреты
Камингъ съ пейзажемъ Левитана...
Здѣсь часто видѣть онъ въ окно,
Какъ валъ волной вужились чаюкъ

И мысль его носилась имъ влѣдъ епта,
И арбу творчества зерно...
И съ шумъ буря, когда каймою ябны
Вздръ борхдаль морскую синюю,
Не адъсь ли раздѣся, подъ рѣзкій
крикъ ярены,

И воиль души его:—Въ Москву!

Въ это время Чехов, действительно, всей душою стремился в Москву, в «свой» Художественный театр. Разговоры все время касались Москвы, искусно переводились изъ на Художественный театр, Станиславскаго, Вл. Н. Немировича-Данченка в новые вѣнья в театр

Мы встретились с Чеховым в полубоковой красавице Ялтѣ и въ чудномъ Гурзуфѣ, гдѣ такъ легко дышится надъ моремъ, но онъ уже начиналъ здѣсь задыхаться. Эти три свиданія, не считая многолетнихъ встречъ, оставили въ моей душѣ живое воспоминаніе. Обыкновенно веселый, остроумный, всегда живой собеседникъ Чеховъ въ Ялтѣ сталъ неузнаваемъ: онъ казался мрачнымъ, ушедшимъ въ себя, сильно похуфѣлъ и перентился. Въ глазахъ у него мелькалъ какой-то злобный огонекъ. Писатель приходилъ до жуткости болѣзненное впечатлѣніе и прерывающимъ сухимъ кашлемъ, и руганьемъ, и неестественнымъ блескомъ глазъ. Неиздого перепѣлъ тѣмъ, я сохранилъ отца отъ чахотки, и Чеховъ своимъ видомъ мнѣ живо напомнилъ дорогого отощавшаго.

Мнѣ вспоминается, какъ толпа жадно глядѣвшая на него молодежи обрушила Чехова. Это были, болѣе частью, ученики Никитскаго сада въ Ялтѣ, умолявшіе его принять участіе въ ихъ ежегодномъ осеннемъ вечерѣ. Это было безсердечно, но безвѣстная «молодость есть золотые призывы», какъ сказалъ Тургеневъ, ей чужды всякія сомнѣнія и опасенія. Съ нилой, застѣнчивой улыбкой отбивался Чеховъ, старался разубѣдить ихъ. «И радъ, душой радъ, для васъ прочесть что-нибудь,—трудъ не великъ, да здоровье не важно,—вознаградятъ стадо, и кашель не велитъ появляться передъ публикой. Впрочемъ, на вечерахъ я вообще не читаю. Пригласите лучше Вл. Ин. Неяровича-Давиденко, онъ не откажется, навѣрное».

и школу его, въ честь ему уславлено полагала и жаждавшая живой сценической дѣятельности его жена, артистка—О. Л. Книпперъ.

— Здѣсь мнѣ чего-то не достаетъ... Не достаетъ Москвы съ ея шумомъ, оживленіемъ, театрами. Тамъ кипитъ жизнь, а мы здѣсь пролибаемъ вдали отъ шума и свѣта!—говорилъ съ добродушной, виноватою улыбкой Чеховъ, поправляя пенсия.

— Мы скоро поѣдемъ въ Москву,—вторила ему жена.

На стѣлѣ его кабинета уже повѣшена была, по предписанію лечившаго его доктора, надпись: «Здѣсь просятъ не курить». Чеховъ часто задыхался.

— Воздуха, воздуха для моихъ легкихъ намъ вобольше. Здѣсь такая духота въ комнатахъ,—говорилъ онъ и стремился въ свою любимую садъ. Но, по заходѣ солнца, въ садъ его уже «не пускали»! Съ восторгомъ разсказывалъ Чеховъ, какъ въ концѣ мая съ Горькимъ и художникомъ Васнецовымъ онъ ѣздилъ на Кавказъ любоваться Военно-Грузинской дорогой.

— Были мы въ Махетѣ, Тифлисѣ, Батумѣ. Какъ восмгительна природа Кавказа! Я никогда не забуду этой поѣздки. И знаете,—привавилъ онъ,—и перепрѣбно поѣду теперь на Ривьеру!

Задумчиво текли разговоры Чехова о литературѣ, о его работахъ, о постановкѣ въ Москвѣ его пьесъ, но много говорить ему становилось трудно, и, какъ ни тяжело это было для меня, но я понималъ, что намъ надо расстаться.

Тихо засыпалъ одинокій садъ у благаго дома съ терасой на серебристомъ берегу лазурнаго моря. Вдали мелькали очертанія

Съ первого же момента появленія Чехова въ горюжкомъ саду у него съ этой женщиной установились дружескія отношенія и вошли, какъ ручеекъ, тихая беседа и длинные рѣчи и разговоры больше всего о литературѣ.

— Я радъ этигь встрѣчаться и разговоры съ вами!—просто и любовно оказывалъ писатель, прощаясь съ ними и приглашая ихъ къ себѣ въ Ялту.—Я всегда радъ видѣть свѣжихъ, неиспорченныхъ скукой жизни людей.

Было поздно. Закатъ загоралъ. Чеховъ заказался и ушелъ. Подулъ легкій вѣтерокъ съ моря и закачалъ стройные, кашемировые киварысы горюжкома сада. Молодежь долго еще не расходилась, общалась съ жидкими впечатлѣніями.

И тотъ же Чеховъ въ другомъ обществѣ угады быть какинъ-то сдержаннымъ, закумиченымъ, замкнутымъ. Просто это была дружка Антоны Павловича, да и только! Но крайней мѣрѣ, а живо помню его таканъ въ длинныя вечера красной золотой осени на террасѣ его дома, и въ кругу артистовъ. Въ зимнемъ саду гостеприимнаго дома Ф. К. Тазариновой, издававшей тогда ялтывскую газетку, которую изъ-за крупнаго шрифта телеграммы читали, нахмуришь густыя брови, выдвигавшіи въ Гаспрт. гр. А. Н. Толстой, ирчите и молчаливѣ всѣхъ гостей былъ А. П. Чеховъ. Живо помню только шумныи его восторгъ за обѣдомъ передъ свѣстакломъ, вечеромъ, когда родная сестра устроительницы свѣстаклей и хозяйка дома, известная оперная звѣзда Э. К. Павловская, сѣла аріо Виолетты съ бѣлками изъ «Трамъты» («Жить безпечной и свободной»). У Тазариновой собиравлись такіе артисты, какъ знаменитый проломистель старика

Ялты, отъ думы на зѣвку легли волшебныя тѣни; посреди этой волшебной красоты я уже видѣлъ, какъ темное облако печала опускалось на бѣлый домикъ.

Меня особенно поражала всегда любовь А. П. къ дѣтямъ. Дѣтская душа ребенка автору «Дамыры» была глубоко понятна, ибо и самъ онъ былъ сиротѣ дѣтской, не-любимой душой! Въ Ялтѣ А. П. подолгу сидивалъ на верандѣ рядомъ съ сироткою 4—5 лѣтъ и сосредоточенно слушалъ ея дѣтскую болтовню. «Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства,—писалъ Чеховъ, и онъ чувствовалъ безконечную любовь и влеченіе къ чуждому дѣтству, которое его занимало, какъ что-то лучшее, неиспытанное еще самимъ въ жизни...

Въ пышномъ Гурзуфѣ, въ паркѣ надъ моромъ, А. П. любилъ сидѣть на игри дѣтей, и однажды появился при нѣхъ на дѣтскомъ праздникѣ, любуясь шестивѣтъ и танцами дѣтшекъ, обружившими его въ концѣ праздника тѣснымъ кружкомъ. Дѣтскій балъ былъ въ разгарѣ. Цѣлое море кудравыхъ головокъ въ бѣлыхъ платицахъ переставалось, какъ рой мотыльковъ, въ свѣдцу въ алмазѣ тизаго парка Гурзуфа у фонтана Поля и Виргинія, а вдаль разстилалось зеленой изумрудное море...

Чеховъ пришелъ въ восторгъ, когда дѣтя, по желанію распорядительницы, показали передъ нимъ свое искусство: сѣла хоромъ «Легенду о Хриотѣ» П. И. Чайковскаго и милую пѣсенку: «Невѣстѣ мы вѣнокъ плетемъ изъ ирты и лаванды!» Это пѣніе было настоящимъ сюрпризомъ для Чехова, онъ весь преобразился, оживился. пивсодѣль и заговорилъ о необходимости у насъ почаще устраивать развлечения для дѣтей;

как знаменитый виолончелист старик Пертень, Вороблашечки, Фигнер, Орденев, Шапкин, Яковлев, Акиншин, из Московского Малого театра, Петила, Попова, Кивинеръ и др., а на терасѣ, утопавшей въ экзотическихъ растенияхъ и окруженной стройными кипарисами и магнолиями, часто раздавались вдохновенная декламация и гудѣе подъ звуки виолончели и рояля. Незабвенные часы! Въ этомъ душномъ уголкѣ южной флоры шумно, оживленно и весело проводились тихіе, южные вечера на зоркомъ берегу и часто раздавались тосты въ честь А. П. Чехова. Но общее веселье гостей не раздражало Чехова, остававшагося раздвинутымъ, оживленнымъ, утомленнымъ, несмотря на то, что здѣсь онъ парилъ, былъ предметомъ вниманія и интереса гостей.

..

Мнѣ живо вспоминается и моя послѣдняя встрѣча съ А. П. на морскомъ лазурномъ берегу Ялты. Я попросилъ позволенія еще разъ навѣстить его на джугѣ. Былъ ясный, хороший день, и на душѣ у меня было свѣтло, какъ въ окружающей насъ природѣ.

А. П. ждалъ меня въ саду. Вдали видѣлся блѣднѣйшій дымъ съ ирандой, обитой зеленью, палящемъ и виноградомъ... Вечерело... Везантство проходило въ разномѣръ вренѣ. Говорилъ о литературѣ, объ А. С. Суворинѣ, конечно, о Москвѣ и театрѣ, которые онъ любилъ. Чеховъ сказалъ мнѣ, что не терпитъ поделки и только потому ничего не возражалъ на поминание въ одной газетѣ интервью съ мнѣ о «шкотовѣ» Лопитанѣ, который тогда еще не умиралъ, и на всѣ выдумки въ печати. А. П. прощался,

и сразу стало захватно, что эта дѣтская толпа для него дорожка и ближе его сердцу, чѣмъ толпа поклонниковъ и почитателей, надоедавшихъ ему въ Ялтѣ.

Первый, чуткій и впечатлительный Чеховъ любилъ цвѣты, но онъ не выносилъ, когда при немъ ихъ ревали. Такова была и его любовь къ дѣтямъ. Вотъ трогательный эпизодъ, рассказанный А. Федоровичемъ. На пути изъ Одессы въ Севастополь на пароходѣ, самъ эпископальный Чехову пѣту сталъ перегибаться черезъ борты. Антонъ Павловичъ поспѣшилъ къ мальчику вѣсть съ его матерью и обратился къ ней:

— Бойтесь, чтобы онъ въ море не упалъ?

— Да.

— А если бы упалъ?

— Я бы бросилась за нимъ.

— И я бы тоже бросилась!— тихо и спокойно зашѣталъ Чеховъ, и положилъ руку на плечо мальчика, отвернувшись, и не сказалъ больше ничего.

Не характерно ли также, что, по окончании университета, Чеховъ подавалъ прѣшеніе о зачисленіи его врачомъ именно въ дѣтскую больницу и всегда особенно удачно лечилъ какъ разъ дѣтей, которыхъ онъ посвятилъ столько горячихъ страницъ.

Н. Н. Кузьминъ.